

Исповедь заслуженного журналиста Виталия Игнатенко

Народный артист России, заслуженный мастер спорта, заслуженный учитель Российской Федерации...

Теперь в этом списке «получивших дворянство» профессий есть и наше, журналистское ремесло.

Владимир Путин подписал указ о первых обладателях нового почетного звания «Заслуженный журналист России».

Как и в случае с абсолютным большинством других президентских указов, это нововведение обречено вызвать диаметрально противоположную реакцию в обществе. Кто-то, как я, искренне обрадуется: мол, давно надо было найти красивый способ выразить «респект и уважение» ветеранам и легендам отечественной журналистики. Кто-то обязательно отреагирует отрицательно: мол, сильно упавший в последние годы престиж журналистской профессии невозможно приподнять обратно даже путинским указом.

Какая из этих точек зрения справедлива? Вот мнение на этот счет одного из обладателей нового почетного звания, легенды российской журналистики, бывшего генерального директора ТАСС и вице-премьера РФ Виталия Игнатенко.

– Виталий Никитич, можно ли стать заслуженным журналистом, не обладая чувством юмора?

– Невозможно. Коллега, который сам к себе обращается «на вы», долго в профессии не продержится. Отсутствие чувства юмора и

журналистика – это просто несовместимо. Журналист без чувства юмора – диагноз! Я иногда встречаю молодого журналиста, который еще мало что сделал в профессии, но которому кто-то сказал, что он все в профессии преодолел. И он уже ходит кум королю! В нашем деле важно помнить слова Шекспира: «Вернейшая порука мастерства – не признавать свое же совершенство».

– А каким был самый смешной эпизод в карьере заслуженного журналиста Виталия Игнатенко?

– У меня таких эпизодов было очень много! Однажды, например, мы с моим другом Олегом Константиновичем Игнатьевым из «Правды» целый месяц были в командировке в партизанском отряде в африканской стране Гвинее-Бисау. За сорок дней нам надо было пройти пешком из одной страны в другую. Из Гвинеи – в Сенегал. Жара необыкновенная. Шли мы только ночью. Забрели в одно селение. И вдруг я вижу: выходит очень африканский мужик, одетый в пальто фабрики «Большевичка». Я тогда за километр чуял эти новаторские изделия нашей легкой промышленности. Выходило, что наша страна оказала гуманитарную помощь Гвинее-Бисау, отправив тысячи пальто фабрики «Большевичка». То ли адрес перепутали, то ли с географией были проблемы... И когда партизанский отряд получил эти пальто – огромные, драповые, – то, наверное, решили: это только для очень важных персон! Так мы познакомились с местным старостой. И в других городах и селениях всегда по пальто определяли руководство и воевод...

– А каков ваш любимый анекдот про журналистику?

– В загородной резиденции президента США Кэмп-Дэвиде Никита Сергеевич Хрущев и Джон Кеннеди решили пробежать 100 метров – кто быстрее. Ясно было, что более молодой президент США выиграл, но по итогам этой гонки ТАСС сообщил: «Н.С.Хрущев занял в забеге второе место, а Кеннеди пришел к финишу предпоследним...»

– А случилось ли что-то близкое к этому анекдоту за время вашей карьеры в том же ТАСС?

– Случалось, и в большом количестве. Но чаще всего это была не журналистика, а политические решения, оформленные под заметки. Их присылали в специальных конвертах. Был, к примеру, случай, когда у нас иностранный космонавт улетел в космос с одной фамилией, а вернулся с другой!

Были и трагикомические случаи, которые по тем временам оценивались чуть ли не как вредительство. В ТАСС делали подборку «Вести с полей». Что-то передавали собкоры, что-то – внештатные коллеги. Одна заметка из Сибири называлась «Концерт на полевом стане». В ней красочно излагалось, как такой-то местный артист читал басни, другой глотал шпаги, третья верхом на осле исполняла песни народов Кавказа... Все было бы ничего, если бы не оказалось, что наш внештатник «творческую бригаду» составил из фамилий руководителей области. Получилось, что басни читал секретарь обкома по сельскому хозяйству, в роли шпагоглотателя выступил председатель облисполкома, а на ослике выезжала секретарь обкома по идеологии. Скандал был сказочный...

Но это примеры достаточно безобидные. А были гораздо серьезнее. Когда в 1983 году советские ВВС сбили залетевший на нашу территорию южнокорейский пассажирский «Боинг», сообщение наших СМИ гласило: «Корейский самолет ушел в сторону моря».

Еще мне очень запомнились события времен «культурной революции» в Китае в 60–70-х годах. Отношения между Москвой и Пекином были тогда очень плохими. И в нашей стране были «специалисты», которые писали очень оскорбительные вещи про Китай и китайский народ. Было очень важно не выпускать такие поделки, бороться с ними, отстаивать свою позицию. Иногда это у нас получалось.

– А сейчас получается? Какова степень ответственности нашей и западной журналистики за возникновение явления, которое мы за неимением лучшего термина называем новой «холодной войной»?

– При Михаиле Сергеевиче Горбачеве на Западе нашу страну было модно хвалить. По всем позициям. Порой хвалили на будущее...

Сейчас на Западе нашу страну очень модно ругать – в большинстве случаев незаслуженно. В современную западную журналистику привнесено много какой-то личной неприязни к нашей стране. Западные коллеги не знают сути нашего национального характера, не очень понимают, что на самом деле происходит в России. Не пытаются серьезно анализировать события, не допускают иного мнения. Все это выливается в тиражирование оскорбительных для нас публикаций, сюжетов.

Мы себе такого не позволяем. В нашей журналистике есть чувство незлобивости по отношению к другим странам.

Еще одно наблюдение. Россию пытаются вообще выпроводить из информационного пространства некоторых западных стран. Будто нас нет...

А если нашей стране что-то и посвящается, то, как правило, нечто критическое, вздорное, случайное. Вот недавно мы с моим другом, прекрасным журналистом и редактором Виктором Лошаком, по линии российско-германского форума «Петербургский диалог» были приглашены на редакционную планерку в редакцию «Берлинер Morgenpost». Коллеги нас замечательно приняли, откровенно говорили на все профессиональные темы... И вот планерка, куда нас пригласили. Обсуждали очередной номер. У всех сотрудников предложения, обсуждение важнейших событий в Германии и мире. Возник под конец сюжет о России.

Что бы вы думали? Допинг, легкая атлетика! Других событий как бы и нет. И это в газете, которая хорошо к нам относится, выпускает в виде вкладки общее российско-германское издание...

– Не слишком ли одностороннюю картину вы нарисовали? Как правило, в конфликте чаще всего виноваты обе стороны, разве не так?

– А я и не снимаю с нас свою долю ответственности. Наша проблема в том, что мы очень обидчивые. Мы как-то болезненно воспринимаем любое слово, направленное против нас. Но ведь иногда на такую лексику можно просто не обращать внимания! Ну

и пусть себе говорят, дай бог им здоровья! Обидно, конечно, когда наши действия неправильно воспринимают, когда наши шаги априори считают неверными... Но с этим можно и нужно жить.

Совершенно необязательно, на мой взгляд, всегда нравиться соседу соседу! Мы любим, чтобы нашу страну обязательно хвалили. Мы убеждены, что мы всегда во всем правы. Если нас воспринимают не так, то мы считаем, что это результат деятельности вражеской пропаганды. Усилия толпы злодеев, которые хотят затолкать нас в историческое небытие. Нам не мешают выдержка и спокойствие, к примеру, как у друзей: КНР на Западе критикуют не менее часто и не менее остро, чем Россию. Но они к этому относятся без истерики, хладнокровно, философски.

– Может быть, в отличие от китайцев у нас просто недостаточно уверенности в себе?

– Да нет, с уверенностью в себе у нас как раз все в порядке. Мы даже более чем уверены в себе. У нас очень высокая самооценка. Мы всегда себе выставляем пять с плюсом. Но вот всегда ли эти пять с плюсом оправданны? Нам надо более реалистично относиться к себе: мол, вот здесь мы действительно абсолютно правы, а вот здесь мы погорячились, накосячили. Притом не страна, не все мы, а кто-то конкретный.

– А вот мне, наоборот, кажется, что наша главная проблема в том, что мы чересчур любим себя ругать и считать, что мы везде провалились.

– Это тоже такая традиционная русская забава. Мы очень любим себя корить. И у нас, и у всего остального мира есть одни и те же болезни, общие сложности. Нельзя самим себе ставить диагноз неизлечимости и нереформируемости... Раньше у нас «советский больной – самый здоровый больной в мире», теперь наоборот...

– То есть наша проблема в том, что у нас одновременно и комплекс сверхполноценности, и комплекс неполноценности?

– Тут ничего быстро не исправишь: сколько лет это продолжается! Сразу мы это не переделаем. Но изменяться надо. Нам надо жить своей, достойной, умной и сильной жизнью, поменьше обращать внимания на то, что о нас говорят, даже если это говорят вчерашние или позавчерашние друзья. Надо, на мой взгляд, не забывать, что друзей мы выбираем себе сами, а лучших оставляет время. Этому мы и должны следовать. Как говорили классики, у страны не бывает вечных друзей и вечных врагов – только вечные интересы.

– А вы не видите иронии в том, что звание «Заслуженный журналист России» появляется как раз в момент, когда репутация журналистики как профессии ушла ниже плинтуса?

– Да, с этим делом запоздали, но иронии не вижу. Есть стремление Президента России и профессионального сообщества возродить высокое звание журналиста, напомнить о значимости этой профессии, ее важности для общества, для страны. Ведь журналистика – одна из важных составляющих, которые должны двигать страну вперед.

– Может двигать или двигает?

– Двигает, но с пониженным коэффициентом полезного действия. Нам надо добиться более высокого КПД российской журналистики! Надо избавить журналистику от влияния сиюминутных устремлений различных политических сил. Журналистика – это не «приводной ремень», а совершенно самобытная и самостоятельная отрасль общественного дела. Очень близкая связь с властью многих журналистских коллективов – особенно это видно в регионах – сильно понижает КПД нашей профессии. Надо разорвать каким-то образом эти путы, немного отдалиться, посмотреть на то, что происходит со стороны. Если этот взгляд со стороны будет очень заинтересованным, профессиональным, конструктивным, сопереживающим, то тогда российская журналистика обязательно «пересядет с паровоза на электровоз».

– Красивая картина. Но не является ли она иллюзией? Ведь все

упирается в деньги.

– Это проблема из проблем. Никуда не денешься от старой мудрости: кто заказывает музыку, тот и управляет процессом. Нам надо сильно задуматься о том, как нам стоит действовать. Наш Закон о печати – самый прогрессивный в Европе. Там все написано и сказано: учредитель или хозяин СМИ не должен вмешиваться в редакционную политику, водить пером журналиста. Но многие этого, к сожалению, не выполняют. Как только ты оказываешься за пределами Москвы (и еще нескольких крупных городов), где есть приличное количество свободных и серьезных СМИ, тебе сразу говорят: вот это СМИ губернаторское, а вот орган такого-то олигарха! Я не знаю, какая несвобода лучше: от губернатора или от олигарха. Не уверен, что между ними есть реальная разница. И то, и другое плохо, обесценивает журналистику.

– Может быть, закон о печати не работает в современной России в силу своей заведомой нереалистичности? Разве это нормально, когда ты чем-то владеешь, но не можешь этим чем-то распорядиться?

– Чтобы понять, что на самом деле это нормально, нужна другая психология. И у журналиста должна быть другая психология, и у владельца СМИ. Владелец газеты должен, как и журналист, быть заинтересован в результате журналистского труда – в том, чтобы приносить пользу обществу, бороться со всяким злом в стране, чтобы двигать государство вперед через буераки и ухабы.

– Не слишком ли идеалистично? Ведь в реальности СМИ используются для получения политического влияния.

– В том, что СМИ борются за политическое влияние, нет ничего плохого. В нашем обществе средства массовой информации занимают именно политическую нишу, а не какую-нибудь другую. Важно, ради чего тебе нужно политическое влияние, как ты собираешься его использовать. Можно использовать его во вред: подменять значение фактов и завертывать любое событие в

словесную обертку из нужной тебе пропагандистской установки. А можно использовать его во благо: быть профессионалами и честно делать свою работу. Вот так может твориться хорошая дорога к успеху!

– А вы можете привести конкретный пример такой «хорошей дороги к успеху»?

– Могу, причем сразу и не задумываясь: Молодежная редакция того, советского Центрального телевидения, и прежде всего «Взгляд». Какие имена: Анатолий Лысенко, Эдуард Сагалаев, Александр Любимов, Константин Эрнст... Все они потом приняли на себя ответственность создать и возглавить новое телевидение России. Не случайно, что Лысенко и Сагалаев – в первом указе президента о высоком журналистском звании. Прибавьте к этой плеяде выдающегося профи телевидения Олега Добродеева, Владислава Фролина из «Российской газеты», Владимира Сунгоркина, вашего главного редактора Павла Гусева... Все они выросли в нашей стране и наших глазах в организаторов СМИ мирового класса.

Чуть раньше вы меня спросили: когда общий уровень отечественной журналистики был выше – сейчас или сорок лет назад? Для меня этот вопрос равнозначен другому: когда нам лучше жилось – тогда или сейчас? Тогда мы были молодые и не только «чушь прекрасную несли». Что-то удавалось делать как у взрослых. Особенно в молодежной печати, в «Комсомольской правде» в первую очередь. Были публикации, которые обсуждали в руководстве страны. Принимались серьезные решения. Правда, и журналистам за эти статьи доставалось. Но сегодня той нашей романтикой в профессии уже не обойтись. Нужно что-то новое. И нынешние молодые поколения журналистов должны это «что-то новое» создать.

Конечно, этим нынешним молодым поколениям трудно. Но совсем легко не будет никогда. У каждого времени есть свои очень высокие достижения и низкие провалы. Я уже приводил примеры того, как в условиях тогдашних абсурдных политических

ограничений нам приходилось работать. Но вспомните, с каким нетерпением все ждали новых статей Александра Бовина, Станислава Кондрашова, Всеволода Овчинникова... Настоящий профессионал найдет способ остаться профессионалом в любой ситуации. Главное – желание оставаться порядочным человеком. Честь дороже.

Михаил Ростовский